

Глава 29. Грех

Ли Ичжи, стоя в самом конце процессии, при виде исповедален удивленно вскинул брови. Поймав взгляд Чжун Мина, он принялся преувеличенно активно артикулировать, беззвучно что-то ему доказывая.

Юноша не удостоил его ответом. Отвернувшись, он поднял масляную лампу; её мягкий, тёплый свет упал на деревянные стенки кабинок. Искусная резьба на них казалась почти живой, словно ветви дерева вот-вот придут в движение.

Один из игроков, замороженный этим зрелищем, подошел ближе и присмотрелся. На панелях были вырезаны колючие стебли терновника, плотно оплетающие распустившиеся розы.

Перед каждым помещением для покаяния стоял изящный кованый канделябр с единственной свечой.

Чжун Мин открыл дверцу лампы, достал горящий фитиль и медленно поднес его к свече у крайней правой кабинки. Спустя мгновение вспыхнул робкий огонек, освещая исповедальню целиком. Свет пробивался сквозь прорези в резном узор, позволяя разглядеть то, что скрывалось внутри.

Тесное, замкнутое пространство было сверху донизу обито темно-красным бархатом. На такой ткани даже пятна свежей крови не бросались бы в глаза — этот мрачный интерьер вызывал безотчетную тревогу.

Кто-то из игроков, догадавшись, что их ждет, шумно и прерывисто вздохнул.

Студент в белой толстовке в панике оглянулся на двух оставшихся наёмников. Один из них застыл, не сводя расширенных от ужаса глаз с дверцы; его лицо превратилось в неподвижную маску напряжения. Второй, золотоволосый, с отсутствующим видом созерцал собственные ботинки, явно не собираясь брать на себя инициативу. Парня охватила настоящая истерика:

— Эй! Да что здесь вообще происходит?

Голос его сорвался на дрожь. Он резко обернулся к слугам:

— Что вы задумали?! Отвечайте!

Ему никто не ответил. Юноша, словно не замечая поднявшейся за спиной суматохи, спокойно перешел к следующей кабинке и, чуть наклонившись, зажег очередную свечу.

Понимая, что на него никто не обращает внимания, студент замолк.

В тишине церкви слышались лишь мерные шаги Чжун Мина. С каждой новой зажженной свечой сердце игрока в белом колотилось всё быстрее.

Наконец, юноша зажег последний фитиль и замер перед исповедальнями под пристальными взглядами людей. Он медленно наклонился и коротким выдохом погасил пламя в своей лампе.

С исчезновением этого источника света в храме остались лишь пять крохотных огоньков, беззвучно дрожащих в полумраке. Свет, бывший из-за спины Чжун Мина, подчеркивал его стройный силуэт, оставляя лицо полностью скрытым в густой тени.

— Прошу уважаемых гостей выбрать себе исповедальню, — негромко произнес он слова, которым его заранее обучила Госпожа Мэри. — И пока свечи не догорели, искренне покайтесь Господу в своих грехах.

В пустой церкви его голос прозвучал удивительно чисто и отрешенно. Игроки оцепенели. Они инстинктивно перевели взгляды на кабинки за спиной молодого человека.

Узкие, герметичные пространства, в одно из которых им предстояло войти... Кто знает, что ждет их по ту сторону перегородки? Опасность ощущалась почти физически. Студент в белой толстовке мгновенно побледнел. Пятясь назад, он отчаянно затряс головой:

— Нет... Нет-нет-нет!

Он закричал, в упор глядя на Чжун Мина:

— Я не пойду туда! — Его грудь тяжело вздымалась от частого дыхания. — Черт знает, что там внутри! К черту! Я ни за что не зайду!

Юноша выслушал его протест с абсолютно бесстрастным лицом. Он поднял глаза на бунтовщика:

— Войти обязан каждый гость, — произнес Чжун Мин. — Тому, в ком нет греха, нечего бояться — он получит прощение.

Губа парня задрожала, в глазах на мгновение мелькнул затравленный блеск, но он тут же взял себя в руки и завопил:

— Я не виноват! И с какой стати я должен каяться? Мать вашу, я вообще не верующий!

Договорить он не успел. Стоявший позади него Джек молниеносно вытянул руку и мертвой хваткой вцепился игроку в горло.

— Эй, следи за языком.

Джек расслабленно прислонился к спинке скамьи, но его правая рука, точно стальные клещи, сдавила гортань студента. Слуга с интересом прислушался к хрипам, вырвавшимся из груди жертвы, небрежно сплюнул на пол и перевел взгляд на Чжун Мина.

— Мы в церкви, — на его губах заиграла дерзкая усмешка. Он обращался к игроку, но глаз не сводил с юноши. — Что тебе велят, то и делай.

Совсем недавно он сам осквернил это место своим поведением, а теперь читал нотации о святости храма.

Чжун Мин прищурился, уловив в тоне Джека нотки вызывающей насмешки. Глубоко вдохнув, он отвел взгляд и посмотрел на остальных гостей, отступая вправо и освобождая проход:

— Прошу вас, гости.

Двое уцелевших наёмников переглянулись и одновременно двинулись вперед. Они понимали, что сопротивление бесполезно, и лучше было самим выбрать кабинку — быть может, удача позволит им умереть не так мучительно. Но все пять исповедален выглядели абсолютно идентично: один и тот же узор, размер и убранство.

Черноволосый наёмник несколько секунд пристально разглядывал их, пытаясь найти хоть какое-то отличие. Поняв, что это бесполезно, он глухо выругался, провел ладонью по лицу и с видом человека, которому больше нечего терять, толкнул дверь ближайшей кабинки.

Рядом с ним стоял золотоволосый наёмник; тени под его глазами стали еще чернее. Он долго всматривался в помещение, прежде чем сделать шаг.

Чжун Мин решил, что и этот игрок выберет место наугад, но золотоволосый, поравнявшись с ним, внезапно замер и обернулся.

Юноша, всё это время стоявший с опущенной головой, в недоумении вскинул взор, встретившись с ним глазами.

— Послушай, — голос наёмника был непривычно мягким. Бледный, с запавшими глазницами, он всё же заставил себя едва заметно улыбнуться. — Будь ты на моем месте... какую бы выбрал?

В его словах сквозило странное, почти пугающее спокойствие человека, знающего, что его час пробит. Чжун Мин на мгновение лишился дара речи, не зная, что ответить.

— Ах ты ж дрянь! — лицо Джека исказилось от ярости. Он отшвырнул студента, который повалился на пол в приступе удушливого кашля, и двинулся вперед. — Решил поболтать напоследок? Да я тебя сейчас сам собакам скормлю!

Но едва он занес кулак, Госпожа Мэри преградила ему путь рукой. Она слегка повернула голову:

— Не нужно.

Затем она посмотрела на Чжун Мина и сухо произнесла:

— Всё в порядке. Можешь ответить ему.

Юноша нахмурился. Увидев, что золотоволосый всё ещё ждет ответа, он на мгновение задумался и произнес:

— Я не знаю.

— Что ж это за ответ такой... — наёмник грустно усмехнулся. Он опустил голову, тяжело вздохнул, а затем снова посмотрел на юношу: — А какое у тебя счастливое число?

На мгновение лицо Чжун Мина стало абсолютно пустым. Этот вопрос словно затронул какие-то потаенные струны в его душе. Помедлив, он ответил:

— Моё счастливое число... — Он поднял глаза. — Тройка.

— Вот как? — Наёмник, казалось, искренне обрадовался ответу, и его улыбка стала шире. Он уверенно зашагал к центральной кабинке. Чжун Мин проводил его взглядом; мужчина скрылся за дверью, и та с тихим щелчком закрылась.

Джек раздраженно цокнул языком — всё происходящее явно выводило его из себя. У его ног заходилась в кашле студент, который в какой-то момент начал еще и истошно рыдать. Чуть поодаль девушка тщетно пыталась удержать своего парня, который пребывал в прострации.

— Чэн Чэн, ну приди же в себя! — Она едва удерживала его, налегая всем своим весом. Хрупкая, ростом чуть больше метра шестидесяти, она никак не могла сдвинуть с места мужчину, который был гораздо крупнее и тяжелее её. Видя его никчемность, девушка вскипела: — Если ты сейчас же не встанешь, я брошу тебя здесь!

Только тогда парень перестал дрожать и поднял на неё глаза. В его чертах еще сохранялось былое изящество, а затуманенный слезами взгляд заставил сердце спутницы на миг смягчиться.

Но в следующую секунду Чэн Чэн грубо оттолкнул её и крупными шагами бросился к одной из исповедален. Прежде чем кто-то успел опомниться, он юркнул внутрь.

Девушка застыла в изумлении. Глядя на дверь, за которой скрылся бросивший её возлюбленный, она мгновенно побелела.

Позади раздался издевательский смех Ли Ичжи.

Услышав этот смешок, девушка вспыхнула. В этом румянце смешались и гнев на предателя, и жгучий стыд за то, что её унизили на глазах у всех. Собрав волю в кулак, она поднялась, выбрала случайную кабинку и с силой захлопнула за собой дверь.

Последним был студент в белой толстовке — его, обессиленного от рыданий, Джек просто зашвырнул внутрь за шиворот.

Когда все игроки оказались внутри, Чжун Мин вскинул руки и дважды громко хлопнул в ладоши.

Щелк!

Задвижки на всех исповедальнях упали одновременно, издав сухой, резкий звук.

Юноша услышал, как студент внутри сорвался на пронзительный, полный ужаса крик.

Стенки конструкций были тонкими и покрытыми сквозной резьбой, так что звуки проникали наружу беспрепятственно.

Как только замки защелкнулись, в церкви воцарилась зловещая тишина. Снаружи свечи в канделябрах продолжали безмолвно гореть; расплавленный воск стекал на пол, застывая неровными белыми пятнами.

Чжун Мин замер в ожидании.

За стенами храма туман плотной стеной отрезал их от остального мира. Внутри стало еще темнее. Слуги в глубине зала по-хозяйски развалились на скамьях; Ли Ичжи сладко зевнул во весь рот.

Минуло около четверти часа. Когда свечи догорели ровно до половины, снаружи одной из кабинок раздался резкий щелчок.

Молодой человек вскинул взгляд: задвижка на двери, где скрылась девушка, откинулась. Дверь

приоткрылась, и гостя вышла наружу. Она выглядела почти так же, как и до входа, лишь брови были гневно сдвинуты — очевидно, она всё еще не простила поступок своего парня.

Заметив ждущего её Чжун Мина, она немного смягчилась.

— Надо же, после исповеди мне и впрямь стало легче, — она смущенно улыбнулась. — Как только я села, мне почему-то вспомнилось, как в детстве я стянула у матери двадцать юаней. Тогда я чуть не умерла от страха, а ведь она так ничего и не заметила.

Юноша не успел ничего ответить. Джек, сидевший позади, нетерпеливо рыкнул:

— Раз покаялась — заткнись и отойди в сторону.

Девушка вздрогнула и побледнела. Но в это самое мгновение за её спиной раздался душераздирающий вопль!

— А-а-а-а-а!!!

— Я не хотел! Клянусь, я не хотел!!! Меня обманом заставили это принять!!!

Девушка подпрыгнула от неожиданности. Она резко обернулась: крики доносились из кабинки студента в белой толстовке.

В его голосе слышался первобытный ужас, переходящий в рыдания; слова путались и налезали друг на друга:

— Правда... Клянусь, это не я! Это они... Они сказали, что привыкания не будет! Я просто хотел попробовать, я не торчу, клянусь, я не наркоман!!!

Оправдания сменились нечленораздельным воем. Девушка, однако, уловила суть. Нахмурившись, она отступила на несколько шагов.

— Что? Этот парень — наркоман?

Чжун Мин уже знал об этом, а потому не выказал удивления. Похоже, истинное «покаяние» началось.

Внезапно крики студента стали еще пронзительнее, а изнутри помещения донеслись странные, тихие звуки.

— А-а-а!!! Остановись!!! Просту тебя!!! Я не специально! — Студент в истерике молил кого-то о

пощаде. В его голосе зазвучало отчаяние человека, которому больше нечего терять: — Это его проблемы, что у него был такой дряхлый замок! Черт! Да я вообще не хотел туда лезть! Его проблемы, что он жил в этой развалюхе! Старик сам виноват!

Молодой человек резко вскинул голову.

Тихий шелест внутри исповедальни нарастал, превращаясь в тошнотворный хруст размалываемых костей. Студент, охваченный невыносимой мукой, срывал голос, выплескивая наружу всю правду. Из обрывков его бессвязных признаний Чжун Мин начал складывать воедино чудовищную историю.

Подсев на дрянь, студент как-то приехал в родную деревню на каникулы. Там он встретил двух друзей детства, которые тоже успели приобщиться к наркотикам в других местах. Трое приятелей быстро нашли общий язык и за лето пустились во все тяжкие: выпивка, притоны, азартные игры и наркотики. Вскоре они стали неразлучны, как в детстве.

Но такие развлечения требовали денег. Все трое были выходцами из бедных крестьянских семей, и вскоре накопления на учебу и жизнь закончились.

Однажды ночью, вывалившись из придорожного караоке, они проходили мимо ветхого домика. Злобный умысел возник мгновенно. Они прекрасно знали, кто живет в этой лачуге. Хозяин, Старик Чжао, был бывшим рабочим с городского завода, ныне вышедшим на пенсию. Дети его работали в городе, жена умерла несколько лет назад, и старик коротал дни в одиночестве.

Всю жизнь Старик Чжао честно трудился на заводе, чтобы дать образование детям. Он экономил на всём, был настолько скуп, что даже не хотел менять ржавый замок на дверях. Благодаря этому он скопил немалую сумму. К тому же троица знала о его привычке: старик не доверял банкам и хранил все сбережения в коробке из-под обуви под кроватью.

В тусклом свете уличного фонаря парень с желтыми волосами обернулся к товарищам и с безумным блеском в глазах прошептал: «Я умею вскрывать такие замки».

Эти слова стали сигналом. Трое дюжих парней под покровом ночи забрались в дом к старику, который когда-то угощал их конфетами, и с улыбками на лицах сделали то, что задумали.

На следующий день дети Старика Чжао, бросив все дела в городе, примчались в деревню. Похороны были пышными, и плач родных оглашал всю округу. Но в тот час убийцы уже были в городе; сбережения, которые старик копил годами, лежали на столе владельца притона как плата за очередную дозу.

Полиция быстро начала расследование. Прокутив все деньги в угаре, троица осознала содеянное. В холодном поту они бросили учебу и подались в бега. Деньги кончились быстро, на них висели огромные долги по кредитам, и в итоге они встретили представителей компании, предложивших «помощь» в обмен на участие в игре.

— Я... я не нарочно... — Голос студента в кабинке стал совсем слабым, но он продолжал судорожно оправдываться: — Знай я, что это за игра, я бы ни за что... Это они! Они меня обманули!

— Пожалуйста... Перестань меня есть! А-а-а-а!!!

Вслед за этим воплем Чжун Мин опустил глаза и увидел, как из-под двери исповедальни медленно вытекает густая, темная кровь.

Крики и признания других игроков сливались в единый кошмарный гул.

Слева Чэн Чэн в слезах рассказывал, как проиграл все деньги на тотализаторе, надеясь «отыграться» благодаря своим познаниям в футболе. Он оправдывался тем, что просто хотел разбогатеть, чтобы соответствовать своей обеспеченной девушке. Справа доносились рыдания наёмника: он каялся в том, как много лет назад во время миссии вырезал целую деревню, сбросив тела в общую яму и предав их огню.

Голоса кающихся, перемешанные с мольбами о пощаде, поднимались к высокому своду храма, резонируя в его шпиле. Этот звук удивительным образом напоминал органную музыку, исполняющую заупокойную молитву.

Лицо стоявшей снаружи девушки становилось всё бледнее. Слушая признания своего парня, она задрожала от ярости и принялась кричать на него через стенку кабинки. Но тот, погруженный в свою агонию, не отвечал. Вскоре из-под двери его исповедальни тоже хлынула кровь.

Девушка истошно закричала. У юноши на мгновение перехватило дыхание, к горлу подступила тошнота.

Он опустил голову, силясь унять пульсирующую боль в висках.

В этот момент чья-то рука легла ему на плечо. Чжун Мин замер и обернулся: Госпожа Мэри стояла прямо за его спиной. Её иссушенное лицо в неровном свете свечей казалось маской; прямая спина и холодные серо-голубые глаза, полные странного сострадания, внушали трепет. Она обняла его за плечи.

— Бедное моё дитя.

Она привлекла его к себе, положив ладонь ему на затылок и прижимая к своему плечу. С видом милосердной матери она склонилась и коснулась губами его лба.

— Тебе тяжело это слышать, не так ли? Столько зла в одном месте...

Её голос был тихим и вкрадчивым. Поглаживая молодого человека по волосам, она прошептала:

— Но это испытание, ниспосланное тебе свыше. Чтобы работать здесь, ты должен осознать, с кем имеешь дело. Посмотри на них: падшие, порочные, насквозь прогнившие существа.

Чжун Мин попытался отстраниться, но Госпожа Мэри крепко удерживала его. Её тон мгновенно стал ледяным:

— Впредь держись от этих «гостей» подальше. Не позволяй им осквернять твою чистую душу. Ты меня понял?

Она прижимала его к себе так крепко, что это больше напоминало не защиту, а плен.

Юноша помедлил, а затем едва заметно кивнул.

— Хороший мальчик.

Удовлетворенная ответом, Госпожа Мэри отпустила его. Как заботливая мать, поправляющая одежду ребенку, она разгладила складки на его пиджаке.

— Со временем я планирую полностью передать дела в церкви тебе. Так что этот опыт пойдет тебе на пользу.

— Я понимаю, — ответил Чжун Мин.

После всего услышанного он не испытывал к этим людям ни капли жалости.

В деревянных кабинках «покаяние» продолжалось. Зловонная кровь всё гуще текла по полу, крики становились тише, а хруст и чавканье — громче.

Прошло много времени. Туман за окнами начал редеть, и звуки в исповедальнях постепенно стихли.

К тому моменту алтарь был залит багровой жижей. Чжун Мин вскинул глаза на статую Девы Марии. Её глазницы стали абсолютно черными, а на губах, казалось, заиграла едва заметная, удовлетворенная улыбка.

Резные розы на панелях исповедален в какой-то момент превратились в хаотичное переплетение линий. Если присмотреться, казалось, что дерево пульсирует. А когда всё окончательно стихло, под сводами церкви пронесся тихий, сытый и удовлетворенный вздох.

Покаяние завершилось.

Единственная выжившая девушка забилась в угол и рыдала. До последнего она пыталась открыть дверь кабинки, чтобы спасти Чэн Чэна, и теперь её руки и одежда были испачканы чужой кровью. Она обхватила себя руками, содрогаясь всем телом. Неизвестно, о ком она плакала больше: о погибшем предателе или о своей собственной участи в этом проклятом месте.

Ли Ичжи, закинув ногу на спинку скамьи, лениво потянулся и встал. Он размял затекшие мышцы и неспешной походкой подошел к Чжун Мину.

Засунув руки в карманы, он наблюдал, как Арчи открывает одну из исповедален. Изнутри на пол вывалилась мешанина из крови, костей и обрывков плоти.

— Твою мать...

Ли Ичжи поморщился от отвращения.

— Ну и вонища. Терпеть не могу этот этап.

Он повернулся к юноше, усмехнулся и по-хозяйски положил руку ему на плечо.

— Давно хотел спросить: ты заранее знал, что сегодня будет это шоу? — Ли Ичжи окинул взглядом залитый кровью зал. — Обычно до «покаяния» дело доходит гораздо позже. Этим доходягам оно вообще не полагалось. Видимо, Госпожа Мэри решила устроить тебе наглядный урок.

Он проследил за тем, как Арчи и остальные слуги с инвентарем заходят в кабинки, чтобы вычистить останки, а затем снова посмотрел на Чжун Мина. Наклонившись к самому его уху, он доверительно произнес:

— Ну что, братец не врал тебе? Эти игроки — гнилые до мозга костей.

Ли Ичжи ласково понизил голос:

— Если не веришь мне, то хоть Госпожу Мэри послушай. Их грехи не отмыть и за сотню лет. Держись от таких подальше, ладно?

Чжун Мин стоял, опустив глаза. Его лицо было бледным, и он не спешил с ответом. Ли Ичжи, решив, что юноша просто напуган, уже собирался утешить его, но в этот момент тот вскинул взор.

Молодой человек медленно моргнул, а затем внезапно поднял руки и обхватил Ли Ичжи за плечи.

Тот замер на месте. Его глаза расширились от изумления, зрачки сузились, отражая спокойное, едва тронутое улыбкой лицо Чжун Мина.

Это был первый раз, когда юноша сам проявил инициативу.

Он был подобен белоснежному цветку, выросшему среди вечных льдов, — всегда рядом, но неизменно холодный и недостижимый.

Даже такой тертый калач, как Ли Ичжи, на мгновение потерял голову. В его мыслях пронеслось: если Чжун Мин станет еще хоть капельку ближе, пора будет выбирать имена для их общих детей.

Но в следующую секунду тихий голос юноши заставил его кровь заледенеть:

— А в чем же тогда твой грех?

<http://bllate.org/book/15849/1439149>